

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-1-98-109

А. И. Куляпин¹*Алтайский государственный педагогический университет***Е. А. Худенко²***Алтайский государственный педагогический университет***Т. А. Богумил³***Алтайский государственный педагогический университет*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ В. М. ШУКШИНА

Статья посвящена семиотике и поэтике художественной географии В.М.Шукшина. Осмысление топосов в шукшинских текстах базируется на архетипическом делении пространства на «свое» (положительное) и «чужое» (опасное, профанное). Максимально семиотически нагруженным является пространство Алтая, наделяемое признаками рая. К сибирскому топосу Шукшин относит и Урал, и Дальний Восток, масштабируя свою собственную «карту» человека и бытия. Столицы – Москва и Ленинград – трактуются Шукшиным как место завоевания и воплощения мечтаний героя о свободе и воле, однако, и как место духовной каторги и смерти для шукшинских персонажей, так и не разорвавших связи с родной землей, деревней. Идеальный художественный топос приурочен у Шукшина к средневековой Руси и воплощается в таких центрах русского мира, как Тамбов, Калуга, Воронеж и Вологда. Исследование геопоэтики Шукшина, его мифогеографии позволяет реконструировать специфику авторского образа мира.

Ключевые слова: геопоэтика, семиотика, художественная география, хронотоп, мифопоэтика, ментальная картография, Шукшин

A. I. Kulyapin*Altai State Pedagogical University***E. A. Khudenko***Altai State Pedagogical University***T. A. Bogumil***Altai State Pedagogical University*

ARTISTIC GEOGRAPHY OF V. M. SHUKSHIN

The article is devoted to the semiotics and poetics of artistic geography of V.M. Shukshin. The comprehension of toposes in Shukshin's texts is based on the archetypal division of space into "one's own" (positive) and "someone else's" (dangerous, profane). The space of Altai,

---

¹ Александр Иванович Куляпин – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

² Елена Анатольевна Худенко – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

³ Татьяна Александровна Богумил – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

endowed with signs of paradise, is the most semiotically loaded. Shukshin refers both the Urals and the Far East to the Siberian topos, scaling his own “map” of a man and being. The capitals – Moscow and Leningrad – are interpreted by Shukshin as a place of conquest and the realization of the hero’s dreams of freedom. Though, for those Shukshin’s characters who have not severed ties with their native land, the village, it is a place of spiritual hard labor and death. The ideal artistic topos is timed by Shukshin to medieval Russia and is embodied in such centers of the Russian world as Tambov, Kaluga, Voronezh and Vologda. The study of Shukshin’s geopoetics, his mythogeography allows us to reconstruct the specifics of the author’s image of the world.

Keywords: geopoetics, semiotics, artistic geography, chronotope, mythopoetics, mental cartography, Shukshin

Проблемы изучения авторского образа мира через семиотику регионального пространства не раз поднимались в современном литературоведении, где за последние десятилетия сложились такие понятия, как «крымский текст» [Люсый, 2003], «северный текст» [Северный текст..., 2017], «уральский текст» [Абашев, 2000], «сибирский текст» [Тюпа, 2002; Анисимов, 2007], «алтайский текст» [Алтайский текст..., 2002]. Разработанная В.Н.Топоровым концепция антрополокального единства, убедительно продемонстрированная им при изучении «Энеиды» Вергилия [Топоров, 1993] и мифопоэтики «петербургского текста» [Топоров, 1995], реализуется на обширном литературном материале. Наличие «сложного взаимодействия духа с бездушной стихией» [Топоров, 1993, с. 38] потенцирует тот факт, что психологические, мировоззренческие и поведенческие реакции человека теснейшим образом связаны с локусом его пребывания. Комплексный характер такого методологического подхода, сочетающего в себе культурно-исторический, мифопоэтический и геопоэтический [Абашев, 2000; Александрова-Осокина, 2020; Богумил, 2017] анализ, открывает большие перспективы в изучении авторской поэтики. Преимущество геопоэтического подхода по сравнению с категорией локального текста, на наш взгляд, состоит в том, что география в данном случае ведет к метафизическим параметрам авторского мира, причем уникальным, воспринятым в индивидуально-личностном аспекте. Ю.М.Лотман убедительно показал, что в русских средневековых текстах «нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным – нравственный. География выступает как разновидность этического знания» [Лотман, 2000, с. 298].

Реконструкция мифогеографической модели мира В.М.Шукшина, анализ ее семиотического наполнения позволяет по-новому описать доминанты философско-мировоззренческих поисков писателя, специфику его взгляда на национальную самобытность русского человека, особенности характеров, которые формируются, в том числе, и под воздействием климата и географических (пространственных) обстоятельств. В конечном счете, создается некая целостная «ментальная географическая карта» (рис. 1), где шукшинские топосы семиотически «смещены» по отношению к реально географическим (рис. 2).

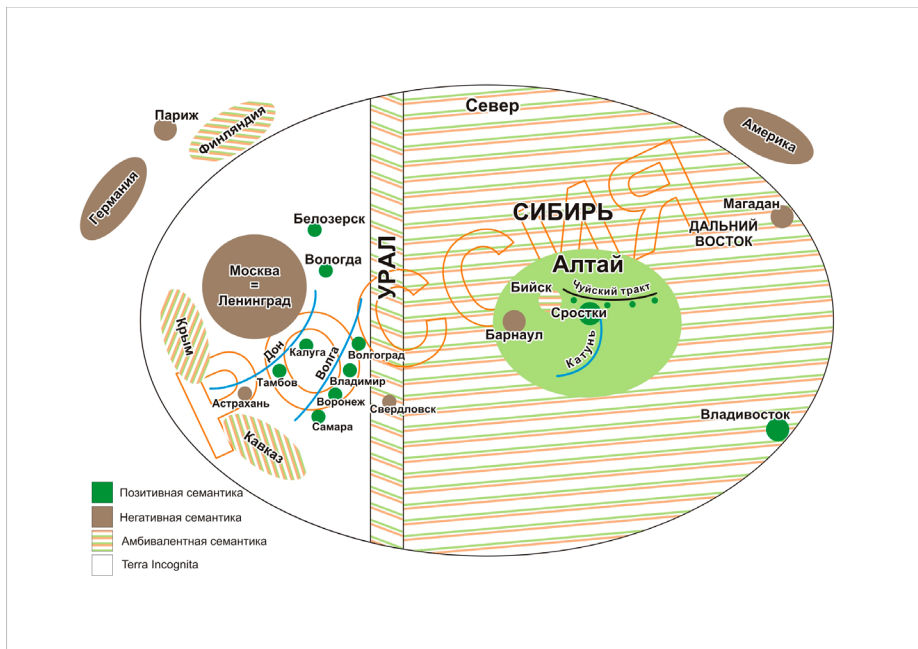

Рис. 1

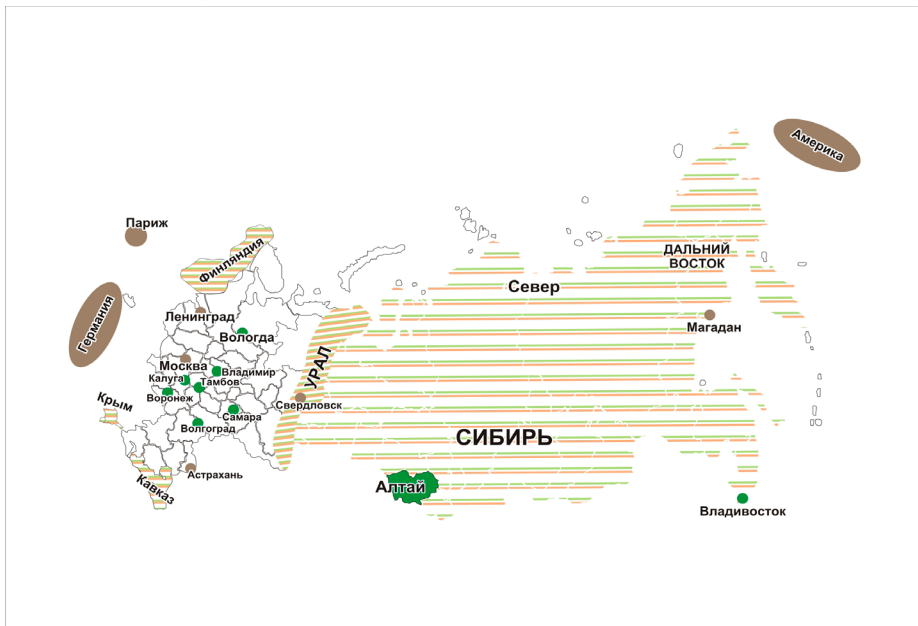

Рис. 2

Шукшинская география очень разнообразна и обширна. Она включает, по подсчетам исследователя Д.В.Марьина, около 100 объектов [Марьин, 2012, с. 100]. Художественное пространство В.М.Шукшина отличается несомненным своеобразием, базирующемся на архетипическом делении пространства на «свое» и «чужое», где «свое» пространство неизменно наделяется положительной семантикой, а «чужое» оказывается смертельно опасным или профанным. В результате активизации процесса семиозиса реальная география вытесняется в текстах В.М.Шукшина мифогеографией, которая, по определению И.И.Митина, «имеет дело не с реальностью наблюдаемых объектов, а с реальностью разнородных *представлений*» [Митин, 2005, с. 13. Курсив автора].

Ценностным ядром шукшинской мифогеографии является **Алтай**⁴. Реальное пространство «малой родины» преобразуется и наделяется идиллическими характеристиками. Наиболее значимыми объектами Алтая являются его природная и рукотворная «оси» – река **Катунь** и **Чуйский тракт**. Две артерии региона уподоблены и противопоставлены одновременно. В предисловии к киноповести «Живет такой парень» (1964) Шукшин подчеркивает «двойничество» реки и дороги, обусловленное их извилистым и опасным совместным маршрутом. Кроме того, писатель включает размышления о «двойном» пути в контексте философских раздумий о единстве красоты, любви, творчества и смерти [Богу-мил, 2018, с. 210–213].

Главные гидронимы шукшинской мифогеографии – реки **Катунь** и **Волга**. Для Василия Шукшина его малая родина, село Сротки, стоящее на берегу Катуня, – одно из самых красивых мест в мире. Писатель утверждал, что нет «красивее реки, чем Катунь...» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 201]⁵.

В киноповести «Живет такой парень» (1964) Катунь с ее переменчивым бурным течением воплощает непростой и остро противоречивый характер русского человека, да и поток самой жизни: «И еще есть река на Алтае – Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет – рвется из гор. А то вдруг присмирееет в долине – тихо, слышно, как утка в затоне пьет, за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая – каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит... Красиво, очень красиво! Не расскажешь словами» (т. 1, с. 272). Существенно здесь признание несостоятельности слова для выражения красоты и величия природы; признание несовершенства, малости, ограниченности человеческого таланта по сравнению с бескрайними возможностями Первотворца.

Шукшин воспевает красоту Катуня и в романе «Любовины» (1967), где река выведена под «псевдонимом» Баклань (название части с. Сротки). Баклань описана как «бешеная», «беспокойная», она «ворочает и крошит синий лед» (т. 2, с. 10).

⁴ Здесь и далее выделено нами. – А.К., Е.Х., Т.Б.

⁵ Далее цитируется по этому изданию. Номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

Равнинная Волга совсем не похожа на горную Катунь, однако, в писательской мифогеографии они уподоблены. Поводом для сближения становится психология и ментальность обитающих в их ареале людей. Конечно, масштаб влияния рек на человека несоизмерим: для Катунь – региональный, для Волги – общенациональный.

Для Шукшина Волга – это в первую очередь разинский locus. При этом важно, что стратегия жизнотворчества писателя основывалась на идентификации себя разбойным казачьим атаманом. «Колдовская река» Волга [Одесский, 2004, с. 605] притягивала русского человека соблазнительной возможностью безудержного разгула на воле. Шукшин дополняет «волжскую» мифологию и христианскими, и языческими мотивами одновременно. Так, на Волге даже повторение евангельского чуда хождения по водам не слишком удивляет (см.: т. 8, с. 272). В романе «Я пришел дать вам волю» (1970) христианские мотивы парадоксально сочетаются с элементами языческих верований, предполагающих одухотворение природы. Волга в рамках этой системы представлений обожествляется и идеализируется [Куляпин, 2016, с. 100].

Помимо пресловутого конфликта города и деревни, в прозе Шукшина отчетливо проявлен конфликт между европейской частью России и Сибирью. Шукшинская Сибирь включает в себя пространство от Урала до Дальнего Востока. Писатель создает идеализированный образ Сибири, который остается для него привлекательным на протяжении всех этапов творчества. **Урал** Шукшин наделяет семиотически важной медиаторной функцией: разграничивать «свой» и «чужой» миры. Столица Урала – Свердловск – фигурирует в текстах писателя как своего рода «фильтрационный пункт» на границе между европейской частью России и Сибирью. «Свой мир» для сибиряка начинается за Уралом, а по ту сторону Уральских гор, в европейской части страны, его подстерегают настоящие опасности. В качестве «мест не столь отдаленных» у Шукшина выступают Москва и Ленинград-Петербург, а не Сибирь – традиционное место каторги и ссылки. Сюжетная схема русского романа XIX века, выявленная Ю.М.Лотманом и, как известно, состоящая из трех звеньев («преступление – ссылка в Сибирь – воскресение») [Лотман, 1997, с. 723–724], в творчестве Шукшина кардинально разрушена. В текстах Шукшина герои-сибиряки совершают преступления вдали от дома, а их «просветление, преобразование» локально связывается с Сибирью. Этап «воскресения» (чаще всего только потенциального) шукшинский персонаж (Иван Любавин, Ольга Фoniaкина, Егор Прокудин и др.) переживает после добровольного возвращения на малую родину, в качестве уже свободного человека.

Геопоэтическое осмысление поволжского, уральского и сибирского локусов позволяют выйти и к историософским поискам писателя, в русле которых фигуры Разина, Ермака и Чапаева предстают историческими двойниками.

Ермак – эмблематичная фигура для истории и литературы Сибири – в произведениях Шукшина практически вытеснен другим казачьим атаманом – Степаном Разиным. Парадоксальное единство несовпадающих во времени и историче-

ской миссии деятелей преобразуется в художественном мире писателя в конфликт «отцов и детей». Ермаков сюжет трансформируется в текстах писателя в сюжет об отце Гамлета и о блудном сыне [Богумил, Куляпин, Худенко, 2017, с. 66–71]. Разин для Шукшина – прежде всего воплощение динамики исторического процесса. С той же семантикой связаны в его художественном мире образы Ермака и Чапаева. Такое осмысление вступало в противоречие с общей атмосферой времени, в котором творил писатель: в годы брежневского «застоя» эта историческая динамика под рукой Шукшина превращалась в символы бегства на месте, движения по кругу, пути к «лобному месту» [Куляпин 2017, с. 111, 114].

Топосы **Севера** и **Дальнего Востока** в прозе Шукшина встроены в систему оппозиций, противопоставлены другим пространствам, – Москве (Западу) и югу (Крым, Черное море). При этом смысловая наполняемость пространств Севера и Дальнего Востока порой оказывается шире тех значений, которые задают рамки бинарных оппозиций. Шукшин, реализуя один из устоявшихся штампов культуры 1930–1950-х годов, обычно упоминает Север (Крайний Север, Северный Ледовитый океан) как идеальное место для испытаний духа и проявления физической выдержки советского человека. Впрочем, писатель трактует тему Севера откровенно пародийно. Споря со сложившейся советской традицией [Скубач, 2020], он показывает, насколько выхолащивается содержание одной из популярных мифологем советской идеологии. У Шукшина Север – это лагерный топос. Однако Север – это еще и пространство материального изобилия, больших денег. Магадан не случайно сопоставляется с Америкой как по чуждости этого географического пространства для простых сельских жителей, так и по степени его отдаленности.

Дальний Восток и примыкающие к нему в географическом отношении локусы связываются с понятием «дали» в самом широком, метафорическом значении слова. В геоэпике Шукшина Дальний Восток – пространство не только Зауралья, но и «Засибирия», т.е. места, выходящего далеко за пределы «своего», родного. Это пространственно-географическая зона далека не только от центра (Москвы), но даже и от символического начала Азии (Урала). Владивосток, как ни парадоксально, становится «второй Москвой», приобретая приметы зеркальной (близнечной) столицы. Дальний Восток в целом – это локус опасных испытаний и душевных терзаний. В рассказах «Правда», «Медик Володя», «Чужие» Дальний Восток – место воинской службы персонажей, что отсылает нас к семиотике границы.

В узком смысле Дальний Восток – это географическая граница страны, ее восточный рубеж. В широком – это некий край земли, берег того океана, в который уперлись русские люди, в глубине души так и оставшиеся кочевниками. Таким образом, Владивосток семиотически значим как точка, с которой открывается весь русский мир и через оппозиции истинное/ложное, бездействие/поступок, сила/слабость высвечиваются его морально-этические доминанты. Кроме того, само онтологически значимое противопоставление Восток/Запад у Шукшина нагружается дополнительными составляющими: дом/бездомье, родное/чужое, свое/казенное и пр.

К островному хронотопу Шукшин обращается через образ острова **Сахалин**. Семиотический потенциал Сахалина наиболее полно был реализован в творчестве А.П.Чехова, к традиции которого Шукшин обращается напрямую, делая акцент на литературно-медицинской тематике («Петька Краснов рассказывает»). В шукшинской геопоэтике Сахалин играет роль последнего *горизонтального* рубикона России. Писатель подчеркивает ментальную «полюсность» всего русского мира, «широту» русской души, явленной в самых крайних проявлениях [Богумил, Куляпин, Худенко, 2017, с. 77–83].

Среди городов европейской части России в художественной географии В.М.Шукшина особо отмечены два – Тамбов и Калуга.

Тамбовская область в творчестве В.М.Шукшина – это, с одной стороны, средоточие исконно русского начала, а, с другой, – пространство неосуществившихся возможностей. Тамбовщина изофункциональна **Калужской области** в качестве пространства-сердцевины русского национального характера, который, впрочем, искажен и извращен социально-бытовым приспособленчеством (калужский официант в рассказе «Мечты» и чиновник с носом-«тамбовским лапоточком» в рассказе «Мнение»). Хотя между этими двумя топосами есть и существенные отличия. Калуга – место самоотверженного труда, беззаветного служения истине ученого Циолковского, город в его идеальной ипостаси (статья «Монолог на лестнице», повесть «Там, вдали»). Тамбов же притязать на статус образцового города не может в принципе.

В киносценарии и романе «Я пришел дать вам волю» описан момент выбора Степаном Разиным маршрута к Москве: по Волге или по Дону, т.е. помимо прочих городов через Тамбов. Итог восстания крестьян предопределен решением вождя в пользу Волги. В биографии автора (отказ от военной карьеры) и его героя Тамбов оказывается городом, не обозначенным «на карте генеральной», локусом упущенных возможностей.

Аналогичную функцию в художественном мире Шукшина выполняет столица Алтайского края – Барнаул. Город, где расстреляли отца Василия Шукшина, был для писателя неприятен: «Анализ произведений Шукшина показывает, что Барнаул либо “выпадает” из пространства художественного мира писателя, либо приобретает негативные коннотации. <...> это своеобразный *locus non gratus* в художественном пространстве Шукшина» [Марьин, 2012, с. 102–103]. Другие города Сибири не вызывают столь явного отторжения. К примеру, **Бийск**, ассоциируется у писателя с категорией «чудо»: «С этого города началось мое знакомство с большой жизнью» (т. 8, с. 146–148). Таким образом, Тамбов и Барнаул в художественной географии Шукшина есть своего рода «минус-пространства», значимые своим отсутствием.

Деревенскому миру, который в подавляющем большинстве случаев находится в Сибири, на Алтае, в родных Сростках, Шукшин нередко противопоставляет не какой-то абстрактный город, а столицы – **Москву** или **Ленинград** [Худенко, 2017, с. 99–104]. Столицы предстают как место, где сбываются мечты героя о свободе и воле, однако, и как локус духовного страдания и гибели для

тех людей, которые так и не смогли до конца разорвать связь с родиной, деревней. Кроме того, столицы показаны еще и как пространство инфернальное, вымороженное, обманное, подобное лабиринту («Печки-лавочки», «Жена мужа в Париж провожала» и др.). Столицы завлекают провинциала культурными достопримечательностями, которые он не успевает посмотреть и должным образом осмыслить. Всё культурно-столичное оборачивается мнимокультурным, фальшивым и притворным. В шукшинском образе Москвы проступают практически все приметы «города-блудницы» [Топоров, 1987] и, что характерно, герои киноповести «Печки-лавочки» регулярно именуют Москву «Вавилоном» [Куляпин, 2018, с. 123].

Особое место в художественной географии В.М.Шукшина занимает **Крым**, поскольку полуостров оказался связан с биографией писателя, с важнейшими событиями его жизни (в частности, службой на флоте).

Тексты Шукшина особенным образом создают поле пересечения «крымского» и «алтайского» текстов [Худенко, 2016]. Так, легендарная история прощения Иваном Грозным Ермака-разбойника за присоединение земель Сибири возникает в сознании шукшинского героя Степана Разина («Я пришел дать вам волю...») в качестве возможной проекции его судьбы: милостивым царем оказался бы Алексей Михайлович, а Сибирь – Крымом или Персией.

В культуре традиционный образ Крыма как пространства теплого, урожайного, изобильного, витального противопоставлен Сибири с ее морозом и разнообразными трудностями, ведущими к болезни и смерти. Вырастающее из реальных природно-климатических условий противопоставление регионов базируется на универсальной бинарной оппозиции: «благо – зло», «жизнь – смерть», «рай – ад». Однако в художественной системе Шукшина эти оппозиции «не работают» по причине того, что Сибирь и Алтай не нагружены негативной семантикой.

Сокровенность и сакральность родного пространства часто служат нравственным «оберегом» для шукшинского героя в его противостоянии соблазнам курортного места – Крыма, приобретающего у Шукшина двоящуюся инфернально-эдемскую семантику. Так, Ялта в фильмах и литературных произведениях Шукшина предстает иногда как земной Эдем. Нюра Расторгуева в одной из сцен фильма «Печки-лавочки» (1972) восторгается видом с террасы Воронцовского дворца: «Как здесь хорошо. Прямо рай господень!».

Однако курортный имморализм дает писателю основание маркировать юг как локус бесовский. На юге отдыхающие утрачивают привычные нравственно-социальные и культурные ориентиры, их мировосприятие искажается. Здесь шукшинская модель пространства напоминает мифологическую, в которой человек, попадая на новое место, переживает радикальную метаморфозу. Избавившись на курорте от рутины повседневности, шукшинские сельские жители теряют представление о реальности, погружаясь в иллюзорный мир. Не зря в рассказах курортного цикла так активизируются театральные, цирковые и кинематографические мотивы. На юге у героев Шукшина возникает эйфорическое, но ложное ощущение вольности и вседозволенности, всегда в конечном счете оборачивающееся несвободой («Чередниченко и цирк», «Хмырь», «Петька Краснов рассказывает»).

В итоге, реконструкция художественной географии Шукшина проблематизирует вопрос о природе русского человека, «горизонтах» и глубинах русской ментальности. Крайне актуальной становится для Шукшина и его эпохи тема утраты национальной идентичности [Богумил, Куляпин, Худенко, 2017, с. 118–123].

Разоблачение сталинского культа личности во времена хрущевской «оттепели» становится катализатором процесса поисков новой советской идентичности. До 1956 года Шукшин не склонен замечать противоречий между русским и советским. Так, будучи членом бюро ВЛКСМ постановочного факультета ВГИКа, он активно участвует в антизападнической агиткампанию 1954–1955 гг., отстаивая, как ни странно, культуру даже не России, а Руси. В незаконченной статье «Мода...» (1969) он вспоминает: «Я, например, так увлекся этой борьбой, так меня раззадорили эти “узкобрючники”, что, утратив, еще и чувство юмора, всерьез стал носить... сапоги. Я рассуждал так: они копируют Запад, я “вернусь” назад, в Русь» (т. 9, с. 42).

Таким образом, мифогеография писателя – это в том числе попытка возврата Шукшиным «Руси» – с ее «сдвинутым» центром в область Зауралья, Сибири или Поволжья, нарушенными горизонтальными географическими связями (Урал, Дальний Восток, Север = Сибирь), но углубленными в истории диахроническими вертикалями (Ермак – Разин – Чапаев). Это, надо заметить, утопическая попытка конструирования новой идентичности вместо скомпрометировавшей себя идентичности советской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.

Александрова-Осокина, О. Н. Вопросы геоэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 216–241.

Алтайский текст в русской культуре / под ред. Т. Г. Черняевой. – Вып. 1. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – 131 с.

Анисимов, К. В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы / К. В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. – Томск: Изд-во Томского университета, 2007. – Вып. 2. – С. 60–76.

Богумил, Т. А. Семантика Чуйского тракта в русской литературе / Т. А. Богумил // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 200–221. DOI: 10.15393/j9.art.2018.5421.

Богумил, Т. А. Геоэтика В. М. Шукшина / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – 176 с.

Куляпин, А. И. Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина / А. И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – 160 с.

Куляпин, А. И. Три атамана: Ермак, Разин и Чапаев в художественном мире В. М. Шукшина / А. И. Куляпин // Культура и текст. – 2017. – № 3(30). – С. 109–116.

Куляпин, А. И. Сюжет «провинциал в столице» в произведениях В. М. Шукшина / А. И. Куляпин, Е. А. Худенко // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 120–127. DOI: 10.17223/18137083/64/11.

Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – С. 297–303.

Лотман, Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // О русской литературе / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1997. – С. 712–729.

Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе / Ю. М. Люсый. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 314 с.

Марьин, Д. В. Шукшинская география (города СССР в жизни и творчестве В. М. Шукшина) / Д. В. Марьин // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 99–105.

Митин, И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности / И. Митин // Communitas / Сообщество. – 2005. – № 2. – С. 12–25.

Одесский, М. П. Волга – колдовская река: от «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» / М. П. Одесский // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 605–625.

Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Т. 1. – Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – 410 с.

Скубач, О. А. Страх и Север: Арктика глазами советских полярников 1920–1930-х годов / О. А. Скубач // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 2 (162). – С. 104–116.

Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. – Москва: Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.

Топоров, В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста / отв. ред. Т. В. Цивьян. – Москва: Наука, 1987. – С. 121–132.

Топоров, В. Н. Человек и место («антрополокальное» единство Средиземноморья) / В. Н. Топоров // Топоров, В. Н. Эней человек судьбы. – Москва: Радикс, 1993. – С. 37–88.

Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.

Худенко, Е. А. Алтай и Крым: геопоэтические перекрестки // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5 (60). – С. 350–352.

Худенко, Е. А. Ленинград на литературной карте В. М. Шукшина // Геопоэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков: сборник научных статей / отв. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – С. 99–104.

Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / В. М. Шукшин. – Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

REFERENCES

Abashev, V. V. Perm' kak tekst: Perm' v russkoj kul'ture i literature HH veka / V. V. Abashev. – Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2000. – 404 s.

Aleksandrova-Osokina, O. N. Voprosy geopojetiki v sovremennom literaturovedenii / O. N. Aleksandrova-Osokina // Nauchnyj dialog. – 2020. – № 5. – S. 216–241.

Altajskij tekst v russkoj kul'ture / pod red. T. G. Chernjaevoj. – Vyp. 1. – Barnaul: Izd-vo AltGU, 2002. – 131 s.

Anisimov, K. V. Paradigmatika i sintagmatika «Sibirskogo teksta» russkoj literatury / K. V. Anisimov // Sibirskij tekst v russkoj kul'ture / pod red. A. P. Kazarkina, N. V. Serebrennikova. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2007. – Vyp. 2. – S. 60–76.

Bogumil, T. A. Semantika Chujskogo trakta v russkoj literature / T. A. Bogumil // Problemy istoricheskoj pojetiki. – 2018. – T. 16. – № 3. – S. 200–221. DOI: 10.15393/j9.art.2018.5421.

Bogumil, T. A. Geopojetika V. M. Shukshina / T. A. Bogumil, A. I. Kuljapin, E. A. Khudenko. – Barnaul: AltGPU, 2017. – 176 s.

Khudenko, E. A. Altaj i Krym: geopojeticheskie perekrestki / E. A. Khudenko // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2016. – № 5 (60). – S. 350–352.

Khudenko, E. A. Leningrad na literaturnoj karte V. M. Shukshina / E. A. Khudenko // Geopojetika Sibiri i Altaja v otechestvennoj literature XIX–XX vekov: sbornik nauchnyh statej / отв. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – С. 99–104.

Kuljapin, A. I. Semiotika hudozhestvennogo prostranstva V. M. Shukshina / A. I. Kuljapin. – Barnaul: AltGPU, 2016. – 160 s.

Kuljapin, A. I. Tri atamana: Ermak, Razin i Chapaev v hudozhestvennom mire V. M. Shukshina / A. I. Kuljapin // Kul'tura i tekst. – 2017. – № 3(30). – S. 109–116.

Kuljapin, A. I. Sjužet «provincial v stolice» v proizvedenijah V. M. Shukshina / A. I. Kuljapin, E. A. Hudenko // Sibirskij filologičeskij žurnal. – 2018. – № 3. – S. 120–127. DOI: 10.17223/18137083/64/11.

Lotman, Ju. M. O ponjatii geografičeskogo prostranstva v russkih srednevekovyh tekstah / Ju. M. Lotman // Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhij mirov. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2000. – S. 297–303.

Lotman, Ju.M. Sjužetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletija / Ju.M.Lotman // O russkoj literature / Ju.M.Lotman. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 1997. – S. 712–729.

Ljusyj, A. P. Krymskij tekst v russkoj literature / Ju.M.Ljusyj. – Sankt-Peterburg: Aletejja, 2003. – 314 s.

Mar'in, D. V. Shukshinskaja geografija (goroda SSSR v zhizni i tvorcestve V.M.Shukshina) / D.V.Mar'in // Sibirskij filologičeskij žurnal. – 2012. – № 3. – S. 99–105.

Mitin, I. Mifogeografija: prostranstvennye mify i mnozhestvennye real'nosti / I.Mitin // Communitas / Soobshhestvo. – 2005. – № 2. – S. 12–25.

Odesskij, M. P. Volga – koldovskaja reka: ot «Dvenadcati stol'ev» k «Povesti vremennyh let» / M.P.Odesskij // Geopanorama russkoj kul'tury: Provincija i ee lokal'nye teksty. – Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – S. 605–625.

Severnyj tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa / sost., otv. red. E.Sh.Galimova, A. G. Loshakov. – T. 1. – Arhangel'sk: IMIDZh-PRESS, 2017. – 410 s.

Shukshin, V. M. Sobranie sochinenij: v 9 t. / V.M.Shukshin. – Barnaul: ID «Barnaul», 2014.

Skubach, O. A. Strah i Sever: Arktika glazami sovetских poljarnikov 1920–1930-h godov / O.A.Skubach // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2020. – № 2 (162). – S. 104–116.

Toporov, V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanija v oblasti mifopojetičeskogo: izbrannoe / V.N.Toporov. – Moskva: Progress – Kul'tura, 1995. – 624 s.

Toporov, V. N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnicy v mifopojetičeskom aspekte / V.N.Toporov // Issledovanija po strukture teksta / otv. red. T.V.Civ'jan. – Moskva: Nauka, 1987. – S. 121–132.

Toporov, V. N. Chelovek i mesto («antropolokal'noe» edinstvo Sredizemnomor'ja) / V.N.Toporov // Toporov, V. N. Jenej chelovek sud'by. – Moskva: Radiks, 1993. – S. 37–88.

Tjupa, V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury / V.I.Tjupa // Sibirskij filologičeskij žurnal. – 2002. – № 1. – S. 27–35.